

УДК 330.342.146

Э.Т. Ушакова, Е.А. Фролова

**СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ
ЕЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ**

Представлена характеристика основных теоретических концепций социального государства. Описаны структурные компоненты социальной ответственности государства, а также выявлены сильные и слабые стороны данной модели.

Ключевые слова: социальное государство, социальная ответственность государства, социальные нормативы, социальная доктрина.

Терминологически и исторически социальная ответственность тесно связана с понятием социальности, другими словами, общественной значимости тех или иных явлений хозяйства, а в дальнейшем и политической жизни страны. Возникновение социальности и, следовательно, социальной ответственности связано с самыми древними формами организации человеческого сообщества – кровнородственной и соседской общиной, а также иными протогосударственными социальными образованиями.

С того момента как государство официально провозгласило свою ответственность, закрепив данную норму в законодательстве, и отказалось от выборочной благотворительности, исходя из текущих финансовых возможностей и желания власть предержащих, появилась возможность говорить об институционализации социальной ответственности и становлении социального государства как теоретической модели и хозяйственной практики.

Социальное государство представлено в лице органов власти федерального и регионального уровней, органов местного самоуправления, а также государственных учреждений социальной сферы, в деятельности которых интериоризированы нормы социального мира и социальной стабильности.

Определяя сущность социального государства, Л.Н. Кочеткова отмечает: «Социальное государство – это не столько тип, сколько состояние государства, которое наступает на определенном уровне развития общества и общежития в целом, которое характеризуется: 1) наличием добровольно принятых государством обязанностей перед обществом, представленным классами и индивидами; 2) заинтересованностью самого государства в выполнении данных обязанностей, в основе которых лежит определенная закономерная связь между положением личности в обществе и развитием государства» [1, с. 74]. Таким образом, автор отмечает как минимум два основных компонента социальной ответственности в деятельности государства, – наличие закреплённых законодательно обязательств (нормативная ответственность) и заинтересованность в исполнении этих обязательств (субъектная ответственность), т.е. осознание степени значимости нормативной ответственности и отношение к этой норме со стороны субъекта. В подтверждение данного вывода приведем еще одну цитату автора: «Государство уже не просто выполняет социальные

функции, но и признает их выполнение своей обязанностью (*и здесь необходимо продолжить – закрепляет их в формальных документах (праве), т.е. институционализирует. – Ф.Е.*), тем самым предоставляя человеку право не просто получать помощь от государства в виде милости, но и получать ее по собственной инициативе, гарантированно и требовать от государства выполнения взятых на себя социальных обязательств» [1, с. 66].

Однако автор упускает один из важнейших аспектов социальной ответственности – социально ответственное поведение, которое и позволяет в полной мере реализовать социальные императивы в деятельности государства.

Летом 2008 г. в рамках Всероссийской конференции, проводимой по инициативе Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при Отделении общественных наук РАН с привлечением известных российских экспертов, общественности и заинтересованных лиц, обсуждалась проблематика становления и развития социального государства в России. Значительная часть докладов была посвящена анализу сущности социального государства, в том числе в контексте определения меры его ответственности за социальное благополучие.

В статье И.Б. Орлова, опубликованной в сборнике материалов конференции, отмечается, что философской основой социального государства является социальный гуманизм, который позволяет формировать правовое демократическое государство, политика которого направлена на создание условий и механизмов обеспечения гражданам достойной жизни, социальной защиты и социального гуманизма, минимизацию социальных рисков, а также создание условий для самореализации творческого (трудового) потенциала личности [2, с. 69]. Причем под социальным гуманизмом автор понимает целенаправленность, организованность и результативность государственной политики в реализации целей человеческого развития для всего населения страны [2, с. 67].

В рамках данного определения ярко выражен акцент на практических аспектах реализации социально значимых норм в государственной политике, что является мерой социально ответственного поведения. Таким образом, на основе синтеза представленных определений сущность социального государства можно обозначить следующим образом: социальное государство – определенный этап развития социальных функций органов власти, в рамках которого институционализованы и легитимизированы государственные социальные обязательства и органы власти прилагают необходимые усилия для претворения в жизнь установленных норм, т.е. проводят социальную политику, которая способствует росту благосостояния населения.

В этом же ключе, в подтверждение данного вывода, высказывается В.Н. Лексин: «Социальным можно назвать любое государство, которое одновременно:

- Декларирует приверженность норме ст. 25 «Всеобщей декларации прав человека» и может открыто признать временную невозможность полной реализации этой нормы и стремление к этой реализации в исторической перспективе.

- Законодательно формирует структуру социальных обязательств, совокупность которых позволяет судить о серьезности намерений реализовать вышеуказанные декларации.

- Создает институциональные условия для выполнения этих обязательств.
- Непосредственно участвует в финансировании выполнения своих социальных обязательств и создает условия для консолидации необходимых для этого финансовых ресурсов (общественных, частных, корпоративных).
- Адресно устанавливает, снижает или отменяет перечень и объем этих обязательств перед каждым гражданином в той мере, насколько этот гражданин может самостоятельно обеспечить стандарт благосостояния» [3, с. 219].

Здесь же в определении автор очерчивает предполагаемые минимальные и максимальные границы социальной ответственности государства – нормы ст. 25 и наличие у индивида возможности позаботиться о себе самостоятельно, что, с одной стороны, не позволяет оставить без поддержки действительно нуждающихся в помощи, а с другой – противостоять иждивенческим настроениям населения и чрезмерно увеличивать степень государственного патернализма. Раскрывая спектр обязанностей государства, определяющих меру его социальной ответственности, Н.Н. Гриценко отмечает: необходимым условием эффективного функционирования социального государства является реализация социальной ответственности органов власти всех уровней, которая осуществляется в следующих направлениях:

- Органы власти несут ответственность за реализацию разрабатываемых ими социальных программ.
- Обеспечивают эффективное функционирование и финансирование отраслей социальной инфраструктуры.
- Контролируют соблюдение государственных социальных стандартов, расходование бюджетных средств, предназначенных на социальные нужды.
- Выполняют другие функции социального характера, предусмотренные законодательством, соглашениями и договорами социальных партнеров [4, с. 166].

Механизм реализации социальной ответственности включает ряд компонентов, которые способствуют отражению нормативного, субъектного и поведенческого аспектов ответственности.

Нормативная ответственность государства закреплена в совокупности формальных норм, базой которых является основной закон государства – Конституция. В том числе в Конституции РФ содержится вербализованная характеристика социального государства. Аналогичные нормы содержатся в конституциях многих стран – Италии, Франции, Германии, Японии и др. Однако конституции редко содержат детализированный перечень социальных обязательств государства, и можно сделать вывод, что закрепление социальной ответственности в основном законе страны – это скорее субъектная ответственность, когда органы власти признают необходимость абстрактных социальных обязательств и принимают на себя ответственность за их исполнение.

На фундаменте основного закона государства формируется широкий спектр нормативных актов, закрепляющих количественные либо качественные параметры социальной ответственности. В рамках национального законодательства они редко имеют кодифицированный характер (за исключением

Социального кодекса Германии) и скорее носят характер фрагментарных инициатив в разных сферах законодательства.

В международных отношениях социальные обязанности более артикулированы – приняты Европейская социальная хартия 1961 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Всеобщая декларация прав человека, Кодекс социального обеспечения 1990 года, Декларация о целях развития тысячелетия ООН 1999 г. и ряд других. Однако международное законодательство не подлежит непосредственному применению в том или ином государстве в силу наличия экономического и политического суверенитета национальной экономики, поэтому международные нормы должны быть как минимум ратифицированы. Органы власти с осторожностью подходят к этим нормам, так как они прописывают достаточно высокий социальный стандарт. Вместе с тем основные права и обязанности, которые декларированы в данных нормативно-правовых актах, – неотъемлемые составляющие современного правового демократического социального государства.

Одним из наиболее важных механизмов реализации нормативной социальной ответственности государства является комплекс государственных социальных стандартов, которые включают в себя социальные нормы и нормативы, предназначенные для реализации социальных прав граждан, гарантированных Конституцией, однако степень стандартизации государственной социальной ответственности также существенно различается в разных странах. Проблема разработки комплексной системы государственных социальных стандартов в России уже давно находится на повестке дня законодательных и исполнительных органов власти, но с мертвой точки дело так и не сдвинулось. Законодательно установлена лишь часть государственных социальных гарантий, однако принципы их функционирования делают данную систему совершенно недееспособной. К числу российских стандартов относится минимальный размер заработной платы, который с недавнего времени (с 2008 г.) приблизился к прожиточному минимуму. Определен минимальный размер базовой части трудовой пенсии, «участь» которого более благополучна – правительство пытается установить соответствие базовой пенсии и прожиточного минимума пенсионера путем постепенного повышения пенсии в соответствии с индексом инфляции, однако до сих пор базовая пенсия – это лишь 25–30% от прожиточного минимума пенсионера, рассчитываемого с учетом региональных особенностей на основе минимальной потребительской корзины. Определяется минимальный потребительский бюджет, конкретизирован перечень услуг в рамках обязательного медицинского страхования, гарантии получения основного общего, полного, начального, среднего и высшего профессионального образования. Практически отсутствуют стандарты, определяющие качество медицинской помощи, профилактику заболеваний, физическое развитие индивида. Сфера культуры и экологическая безопасность совершенно не отражены в российских социальных стандартах. Крайне тезисно представлены стандарты социальной помощи и социального обслуживания.

Субъектная часть социальной ответственности государства в России, как ни странно, гораздо более выражена, чем нормативная. Принципы социаль-

ной ответственности государства и основные сферы ее реализации присутствуют в значительной части программных документов органов власти – концепциях среднесрочного и долгосрочного развития федерального, регионального и местного уровней. Однако, как показывает практика, подобные инициативы скорее являются одним из распространенных способов «усыпить бдительность» населения с целью создания положительного имиджа власти как радателя интересов народа, что особенно ярко проявляется на этапе очередного витка политического делового цикла, т.е. накануне выборов в исполнительные и законодательные органы власти. Из последних примеров – разработка и публикация Социальной доктрины РФ [5].

Социально ответственное поведение государства реализуется в инструментах государственной социальной политики, которая включает в себя социальную защиту, социальное обеспечение и социальное страхование. Социальная политика призвана обеспечить соответствие текущего социального положения населения социальным стандартам и нормативам.

Рассматривая эволюцию и перспективы развития социального государства, необходимо обратить внимание на те положительные и отрицательные эффекты, которые сопровождают активное участие органов власти в решении социальных проблем, что в дальнейшем позволит определить критерии (или, возможно, показатели), формирующие оптимальный уровень социальной ответственности государства.

Сторонники и идеологи различных национальных моделей социального государства «линию защиты» строят на базе концепции провалов рынка, отмечая, что рыночный механизм, не обеспечивая относительное равенство шансов и возможностей в стремлении к высокой экономической эффективности, провоцирует социальную напряженность в имущественной, трудовой, экологической сферах, что впоследствии угрожает перспективам развития страны, в том числе создает угрозу смены политического курса и политической элиты. В этом контексте обращает на себя внимание драматический, переломный период в жизни европейской цивилизации на рубеже XIX – XX вв. Поэтому государство вынуждено брать на себя «бразды правления», так как политические силы заинтересованы в сохранении status quo. Именно на эти обстоятельства обращают внимание ряд авторов [1, 6, 7, 8, 9], отмечая положительные эффекты от усиления государственного вмешательства в экономику в рамках реализации социальных обязательств.

Перечень положительных эффектов реализации механизмов социальной ответственности государства достаточно обширен. Рассматривая социальное государство как государство социального гуманизма, И.Б. Орлов отмечает, что политика данного государства направлена на создание условий и механизмов обеспечения гражданам достойной жизни, социальной защиты с целью минимизации социальных рисков и создания условия для самореализации трудового потенциала личности. Автор предлагает ряд количественных критериев, позволяющих, по его мнению, определить степень социального гуманизма и, соответственно, степень социальности государства:

- Соотношение доли потребления и накопления в бюджете.
- Структура доходов и расходов населения.
- Доля инвестиций в социальные отрасли.

- ВВП и доходы на душу населения.
- Доля заработной платы (пенсии) в ВВП.
- Соотношение пенсии и заработной платы.
- Показатели занятости населения.
- Основные демографические параметры.
- Ведущие социальные показатели (количество образовательных учреждений, койко-мест в больницах и т.д.) [2, с. 69–70].

Однако количественные параметры данных критериев автором не упомянуты, что оставляет нерешенной проблему измерения степени социальности того или иного государства и международных сравнений. С другой стороны, данные критерии нельзя признать исключительной юрисдикцией социального государства, так как они отражают комплексный, системный эффект социально-экономического развития страны.

В проекте Социальной доктрины РФ, опубликованной Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, обозначены следующие предполагаемые результаты усиления степени социальной ответственности государства:

- Возрождение и умножение духовных и культурных ценностей.
- Кардинальное повышение роли знаний, труда и предпринимательской инициативы.
- Существенное развитие прав и свобод граждан, институтов демократии и гражданского общества, а также их ответственности за собственное благополучие и развитие страны.
- Устойчивое и безопасное развитие страны.
- Формирование прогрессивной социальной структуры общества по уровню и качеству жизни.
- Обеспечение долгой и здоровой жизни россиян [5].

Упомянутые качественные характеристики конкретизированы в рамках основных направлений их реализации, но также не имеют количественных измерителей и оценки степени эффективности их реализации. Опять же значительная часть этих критериев не имеет непосредственного отношения к государственной политике, вследствие чего можно судить о роли государства в обеспечении социального благополучия общества в качестве субъекта, формирующего институциональные рамки социального благополучия и в меньшей мере осуществляющего непосредственное влияние на степень его проявления.

По сравнению с количеством и степенью влияния на общественное мнение сторонников социального государства число противников и степень осознания недостатков социального государства выражены в гораздо меньшей мере. Вместе с тем нельзя сказать, что проблем не существует вовсе. Существенная мера социальной ответственности государства за социальное благополучие граждан в рамках модели социального государства либо государства всеобщего благосостояния фактически приводит к известному «эффекту вытеснения» ответственности других экономических субъектов, в первую очередь населения и в дальнейшем бизнеса. Опекунство государства позволяет в меньшей степени заботиться о собственном благополучии, стремиться к снижению рисков хозяйственной деятельности, сокращению убытков и т.д.,

что фактически делает хозяйственную систему гораздо менее экономически эффективной и конкурентоспособной.

З.В. Соломко отмечает: «Самый главный исторический урок, который дала обществу практика социального государства, состоит в том, что даже при условии достижения относительно высокого уровня жизни для всех членов общества ширится социальное отчуждение, если люди отстранены от реального управления обществом, от непотребительского доступа к богатствам человеческой культуры... Простое перераспределение экономических благ не только не приносит удовлетворения, но лишь усугубляет трагичность человеческого существования, поскольку чувство бытового благополучия рано или поздно вытесняется безвыходным ощущением скуки жизни, осознанием пустоты и бессмысленности существования. Вот откуда высокий уровень самоубийств в экономически благополучных скандинавских странах, рост немотивированных убийств, разложение морали, дефицит человечности и другие проявления» [10, с. 338].

Похожий вывод делает в своем исследовании В.Э. Багдасарян: «Причина высокой динамики самоубийств на западе есть проявление его духовного кризиса. Материальное благополучие в данном отношении не только не спасает, но может являться катализирующим обстоятельством» [11, с. 96]. В таких благополучных странах, как Финляндия, Бельгия, Швейцария, Франция, Австрия, происходит более 20 самоубийств на 100 тыс. населения, в то время как в менее благополучных Бразилии, Мексике или Парагвае менее 7 случаев.

Патернализм государства фактически заменяет индивиду свободу во всех ее проявлениях, и зачастую человек сам и вполне осознанно делает такой выбор, впоследствии часто сожалея об этом. Ощущая себя не столько личностью, сколько винтиком глобального экономического механизма, безликим электоратом либо частью толпы, сталкиваясь с бездушностью и непоколебимостью государственной няньки, которая полагает себя все более компетентной и могущественной, индивид фактически теряет смысл жизни, часто смирившись с подобной участью или вступая в непримиримый осознанный конфликт с властью, который опять же заканчивается далеко не в пользу личности.

Достаточно долгий опыт государственного патернализма имеет русский народ. Поэтому многие исследователи говорят о принципиальной невозможности взращивания на российской почве институтов свободного предпринимательства, личной и социальной ответственности. Типичным примером такого подхода является теория институциональных матриц С.Г. Кирдиной и ряд других концепций [12].

К числу отрицательных эффектов активного государственного вмешательства в хозяйственную систему с целью поддержания социального мира и стабильности относится существенное сокращение конкурентоспособности национальной экономики за счет роста бремени социальных расходов, налогообложения и административных затрат.

Рост масштабов государственной машины обуславливает рост объемов ее финансирования, что снижает степень предпринимательской активности, способствуя в условиях глобализации выводу капиталов и производств за пределы национальной экономики, увеличивая, таким образом, уровень застойной безработицы и снижая общий уровень и качество жизни населения.

С другой стороны, вследствие непродуманной миграционной политики страны сталкиваются с большим наплывом иностранных граждан, которые в меньшей мере склонны искать работу, а в большей степени ориентируются на получение социальных гарантий. Данные гарантии, в свою очередь, с учетом уровня и качества жизни на исторической родине позволяют нескольким поколениям мигрантов довольно сносно жить в европейских странах.

В числе последних примеров – скандал в Германии, вызванный выходом в свет достаточно жесткой, но объективной монографии «Германия: самоликвидация или как мы ставим на кон свою страну», автором которой является председатель правления Бундесбанка Тило Саррацин. Работа содержит выраженный этнический контекст, поэтому критики поставили автора в один ряд с А. Гитлером и Г. Геббельсом, однако, несмотря на националистическую подоплеку, экономический анализ проведен с известной немецкой основательностью, дотошностью и скрупулезностью. Работа не издана на русском языке и познакомиться можно лишь с ее обзором, опубликованным в журнале «Эксперт» [13]. «Немецкая социальная система обеспечивает легально находящимся на территории страны мигрантам уровень жизни, считающийся в менее развитых странах Востока и Азии вполне высоким. Объем социальных субсидий сохраняется вне зависимости от успехов социализации семьи... В особо неблагополучных районах Берлина есть семьи, где на пособие по безработице живет уже третье поколение мигрантов, привыкших к такой жизни и считающих ее нормой» [13].

Все это вызывает явно выраженное негодование коренных немцев и создает условия для пересмотра механизмов реализации социальной ответственности государства в Германии, которая, к слову сказать, является родиной значительной части идей о необходимости социальной ориентации экономики (собственно концепт социального государства Л. фон Штайна, социализм К. Маркса, социальное рыночное хозяйство В. Ойкена и Л. Эрхарда). И именно Германия традиционно считается страной с наиболее выраженными полномочиями органов власти по регулированию хозяйственной системы и достаточно эффективной реализацией данных обязанностей.

В российской науке в числе критиков социального государства невозможно встретить имена известных ученых или политиков. В основном концепция явно идеализируется с акцентом на национальных особенностях психологии русского народа с его стремлением к сильной властной руке и системе кормления. В данном контексте можно вспомнить лишь А. Илларионова, Ю. Кузнецова и Н.М. Плискевич. Первый инициировал довольно обширную дискуссию о масштабах государства и его влиянии на экономический рост, результаты которой опубликованы в цикле статей в журнале «Вопросы экономики» [14, 15, 16]. Ю. Кузнецов, менее известный в научных кругах, скорее журналист, чем экономист-теоретик, также является автором цикла работ об ущербности моделей социального государства [17, 18].

Социальному государству, пишет Ю. Кузнецов, свойственна тенденция к увеличению численности получателей пособий и росту суммарных выплат, таким образом, к отвлечению постоянно возрастающего количества людей и ресурсов от производительной деятельности к непроизводительному потреблению. И в итоге, делает он вывод, социальное государство – это идеология

национального самоуничтожения [17]. В свою очередь, Н.М. Плискевич отмечает не столько экономические, сколько политические и социальные издержки усиления государственного вмешательства, называя социальное государство неократической моделью [19, 20].

В числе критиков модели социального государства необходимо упомянуть О.В. Родионову, которая, рассматривая социальные функции государства, приходит к выводу, что само государство поощряло и вознаграждало те типы поведения, которые являются разрушительными для общества, – безделье и безответственность [21, с. 98]. Все это фактически свидетельствует об изменении представлений о сущности и свойствах социального государства в сторону предоставления большей степени свободы и, соответственно, наделяния большей мерой ответственности других макроэкономических субъектов, в первую очередь населения (общества).

В работах С.В. Калашникова и Л.Н. Кочетковой современный этап развития социального государства (с 90-х гг. XX в.) назван либеральным, когда государство ориентировано на устранение иждивенчества и создание социального рыночного хозяйства. Оно создает возможности для самостоятельности граждан и их объединений, рассчитывая на то, что люди прежде всего должны заботиться о себе сами [1, 6].

Однако вопрос об экономической и социальной эффективности государства стал актуален задолго до начала 90-х гг. прошлого столетия. Еще в работах немецких ордолибералов отмечается, что наивысшая степень социальной ответственности не у того государства, которое оказывает обширную помощь и поддержку слабым слоям населения, а у того, в котором нуждающихся в такой поддержке меньше всего [22, с. 14]. Поэтому социальная ответственность государства немыслима без социальной ответственности бизнеса и населения, что делает особо важным вопрос о разграничении полномочий и сферы реализации социальной ответственности каждого. В данном контексте мы предполагаем, что государство обязано стать главным субъектом реализации социальных инвестиций в направлении развития образования, здравоохранения и культуры в целях повышения творческого потенциала личности, что является неотъемлемым компонентом современной инновационной экономики.

Литература

1. *Кочеткова Л.Н.* Социальное государство: опыт философского исследования. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 160 с.
2. *Орлов И.Б.* Социальный гуманизм: теория и общественно-государственная практика // Россия: путь к социальному государству: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 61–73.
3. *Лексин В.Н.* «Социальное государство»: фантом или реальность // Россия: путь к социальному государству: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 216–249.
4. *Гриценко Н.Н.* Концепция социального государства Российской Федерации: взгляд Межведомственного творческого коллектива ученых и специалистов // Россия: путь к социальному государству: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 162–178.
5. Социальная доктрина Российской Федерации: макет-проект / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2010. 224 с.

6. *Калашиников С.В.* Функциональная теория социального государства. М.: Экономика, 2002. 190 с.
7. Социальная экономика: теория и практика / Под ред. А.В. Бузгалина, К.В. Маркаряна. М.: ТЕИС, 2009. 315 с.
8. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние: Научные записки и очерки / Науч. ред. О.Т. Богомолов. М.: Институт экономических стратегий, 2008. 440 с.
9. Россия: путь к социальному государству: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008. 1008 с.
10. *Соломко З.В.* Социальное государство как превращенная форма // Россия: путь к социальному государству: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 329–339.
11. *Багдасарян В.Э.* Цивилизационно-вариативные основания формирования социального государства // Россия: путь к социальному государству: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 73–100.
12. *Кирдина С.Г.* X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука, 2004. 256 с.
13. Саррацин пугает, Каддафи покупает // Эксперт. 2010. № 35.
14. *Илларионов А., Пивоварова Н.* Размеры государства и экономический рост // Вопросы экономики. 2002. № 9. С. 18–36.
15. *Нигматулин Р.* Об оптимальной доле государственных расходов в ВВП и темпах экономического роста // Вопросы экономики. 2003. №3. С. 125–130.
16. *Тамбовцев В.* Об экономическом росте и размерах государства // Вопросы экономики. 2003. № 6. С. 119–125.
17. *Кузнецов Ю.* <http://old.polit.ru/documents/411280.html>
18. *Кузнецов Ю.* Роковой выбор // Отечественные записки. 2003. №3. С. 46–56.
19. *Новиков В.И., Плискевич Н.М.* Право быть либералом // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 81–87.
20. *Плискевич Н.М.* Социальное неравенство в условиях неозтратизма // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 68–81.
21. *Родионова О.В.* Социальные функции государства: правовая сущность и проблемы субъектов ее осуществления на современном этапе // Государство и право. 2006. № 8. С. 98–100.
22. *Гутник В.П.* Политика хозяйственного порядка в Германии. М.: Экономика, 2002. 271 с.